

Новые перспективы в гендерных исследованиях

АНКЕТА

Сара Дикинсон (доцент Университета Генуи, председательница Ассоциации для женщин в славянских исследованиях)

1. В последние годы число публикаций о гендерной проблематике в российской истории и русской литературе быстро растет. Как можно объяснить этот рост? Есть ли специфика у гендерных исследований на российском/русском материале и чем они отличаются от современных зарубежных публикаций на эти темы?

Действительно, в последние годы мы наблюдаем волну интереса к гендерным темам. По моему мнению, на это повлияло несколько факторов.

Во-первых, нынешний рост основан на очень устойчивом фундаменте, который закладывался десятилетиями. Я имею в виду множество прорывных работ исследователей, в центре интересов которых женщины и женское письмо были в течение тридцати, сорока, даже пятидесяти лет. У меня нет возможности перечислить их всех, но среди них, например, Ирина Савкина, Наталья Пушкарева, Мэри Зирин и Дайана Грин. Эти ученые — в большинстве своем женщины — проделали обширную работу, причем для этого им пришлось плыть против течения и постоянно доказывать значимость выбранной ими темы исследований. Благодаря их научной деятельности, а также благодаря их усилиям в сферах преподавания и научного руководства, удалось постепенно привлечь внимание других исследователей к истории женщин и творчеству женщин, изменив состояние этого исследовательского поля для нескольких поколений последовавших за ними молодых ученых. В число основоположников входят, как я уже отмечала, не только женщины и не только специалисты по женской истории или письма, — речь также о тех ученых, которые демонстрируют повышенную чувствительность к гендерным вопросам при обсуждении других тем.

Во-вторых, новая волна гендерных исследований связана с состоянием и с эволюцией научного поиска как такового. Уже несколько десятилетий все больше изучаются вопросы различных отношений власти и подчинения, имплицитно и эксплицитно действующих в истории и в литературе, — от идеологии и институтов до «ориентализма», «постколониализма» или, в настоящее время, «деколонизации». Антропологические и лингвистические подходы также позволили нам лучше понять контекст и содержание наших собственных взглядов и тех позиций, которые мы занимаем. В области литературных исследований эти подходы часто приводят к критике канона или процессов, которые его формируют. Это очень богатая тема, ведь существуют десятки способов рассматривать канон и десятки видов отношений власти — включая гендерные, — которые участвуют в его создании и поддержании. Рефлексия о гендерных вопросах наконец-то стала необходимым ингредиентом практически любого серьезного исследования, которое бы многосторонне освещало какой

бы то ни было феномен или период. Исследование, которое игнорирует гендерные темы, потому что это-де в данном случае не очень важно, в настоящее время можно осудить за недостаточно критический подход к почерпнутым из прошлого идеям и за попытку самоуспокоенно воспроизводить статус-кво.

В-третьих, в самом современном обществе произошел масштабный переворот, который, разумеется, не мог не повлиять на работу ученых. Я не хотела бы утверждать, будто гендерное равенство наконец достигнуто, однако «феминизм» или, пользуясь более обобщенной формулировкой, внимание к гендерным вопросам больше не вызывает у молодых ученых подозрений и не воспринимается как нечто «несерьезное» — напротив, такая позиция стала естественной частью их научного метода. Многие молодые ученые — мужчины, женщины или небинарные — теперь занимаются темами, связанными с гендером, и не нуждаются в оправданиях, чтобы ими заниматься. Иногда это наталкивается на сопротивление со стороны более традиционных исследователей, которые критикуют гендерные исследования как бессмысленное следование правилам «политической корректности». Однако несомненно, что в наше время невнимание со стороны исследователя к гендерным вопросам очень быстро делает его работы неактуальными и сильно затрудняет научную коммуникацию с молодыми учеными. В последние двадцать лет перемены в восприятии гендера были невероятно быстрыми, и даже если не все внимательно за ними следят, эти перемены уже повлияли и еще долго будут влиять на тот контекст, в котором проводятся и воспринимаются исторические и литературные исследования.

Обращаясь к своеобразию научной работы русскоязычных исследователей, я была поражена высоким уровнем работ о женском творчестве, которые в последние годы пишутся молодыми исследователями из России, Украины и Эстонии, причем многие из этих исследователей, как ни странно, мужчины. Они не стесняются сосредоточивать свое внимание на творчестве женщин, на вопросах гомоэротизма или трансгендерной идентичности и обсуждают их с честным профессионализмом, без оправдательных предисловий или иронических комментариев в сторону. Такой глоток свежего воздуха было бы невозможно представить еще двадцать лет назад, и он определенно способствует нормализации и развитию в самых разных странах исследований, посвященных женскому творчеству и гендерным вопросам в русскоязычной литературе и истории. Здесь стоит упомянуть, что рост международного обмена и сотрудничества, начавшийся в 1990-е годы, очень сильно способствовал развитию гендерных исследований в самой России. Этот рост также позволил исследователям из постсоветских стран вступать в прямой контакт с коллегами из-за пределов бывшего советского лагеря и напрямую участвовать в международной науке — к выгоде для всех заинтересованных сторон.

2. Какие дисциплинарные пересечения (например, гендерные исследования и исследования эмоциональности или социология чтения и т.д.) видятся Вам наиболее продуктивными и перспективными?

Я думаю, что размышления о гендерных вопросах могут обогатить и обогатиться в контакте с практически любой другой областью научного интереса, — и с огромным интересом слежу за тем, как этот процесс разворачивается в современной науке. Здесь открыты самые разные возможности. Если задуматься

о пересечениях, с одной стороны, истории женского творчества XVIII и XIX веков, а с другой стороны, скажем, истории эмоций, то ясно, что женщины выражали свои эмоции и рефлексировали о них специфическим образом, который оставил след в литературных текстах и который заслуживает больше внимания, чем пока получил. Помимо этого, женщины читали не так, как мужчины. Представления о читательнице отличались от представлений о читателе и у авторов (и мужчин, и женщин), и у издателей, а это во многом определило развитие русскоязычных журналистики и книгоиздания. Другое увлекательное направление — исследование литературных жанров в связи с гендерными вопросами. Женщины играли другую роль в бытовании, скажем, поэзии, романа, биографии или театра (как писательницы, актрисы или часть публики) и т.д. Вообще традиционные истории литературы основаны на представлениях о жанре, которые исключают из нашего поля зрения участвовавших в литературном процессе женщин, — и эти представления не стоит воспринимать как священные или неизменные. Экономическая жизнь женщин также сильно отличалась от мужской и определялась специфическими ограничениями — как и женское образование, профессиональная деятельность, отношения к медицине, к военной службе и т.д. С изучением женщин легко связать такие развивающиеся сферы, как исследования материнства или квир-исследований, — но есть еще исследования ограниченных возможностей, транснациональная или мировая литература, экологическая критика... Мне кажется, здесь нет пределов.

Это поднимает вопрос о другом типе пересечений, заслуживающем нашего внимания, а именно об «интерсекциональности». В общем случае это понятие позволяет обсуждать, как различные составляющие идентичности (такие как гендер, возраст, этничность, класс, экономический статус, географическое положение, физическое состояние) сочетаются, чтобы произвести специфические и особенно сильные формы дискриминации. Однако мы также можем говорить об интерсекциональности в более общем смысле, то есть как об исследовании связи между тем, как гендер сочетается, например, с бедностью или провинциальностью, грамотностью или неграмотностью, дворянским положением или происхождением из ученой среды. Мне кажется, что дисциплинарные пересечения и интерсекциональность невозможно разделить. Например, чтобы говорить о зависимости женского творчества от доступа к печати, нужно учесть, как отдельные женщины взаимодействовали с издательствами и типографиями, а это, в свою очередь, зависит от того, когда и где они жили, кому они приходились родственницами, кто входил в их круг общения и т.д. Внимание к таким факторам позволит нам создать более богатую и сложную историю литературы. Может даже оказаться, что выбор писательницами нарративного голоса связан с их интерсекциональной позицией. В определенный период писательницы из элитных кругов выстраивают связи (и риторические, и эмоциональные) с крестьянами в попытке сопротивляться доминирующему дискурсу империалистического и патриархального государства; эти связи во многом определяют, как они представляют себя в роли писательниц. Еще одна область исследований — женщины и империя. Учитывая этническую идентичность и географическое положение писательниц, мы начинаем видеть, насколько различны литературные возможности женщин на разных территориях Российской империи. Например, в Польше или Украине XIX века женское творчество развивалось не так, как в России.

3. Какие темы гендерных исследований кажутся Вам недостаточно раскрытыми в научной литературе на русском материале и требующими большего внимания исследователей?

Поле для исследований кажется мне широко открытым: оно не «требует» внимания, а позволяет ученым реализовать свои интересы — чем и следует заняться. Мой любимый «проклятый вопрос» связан с перестройкой истории русскоязычного женского творчества. Например, почему всплески активности часто приходится на короткие периоды, а потом заканчиваются? Почему живая и активная традиция женского творчества, существовавшая в России XIX века, исчезает из истории литературы (или никогда не попадает в историю литературы), так что к XX веку кажется, будто она никогда не существовала? Сейчас у неспециалистов может возникнуть ощущение, что до Ахматовой писательниц вообще не было. Карен Оффен предположила, что в Европе XIX века феминистский дискурс подавлялся дискурсом классовым, другими словами, что рост марксизма подорвал позиции феминизма. Думаю, нам следует понять, как этот процесс повлиял на историю русскоязычного женского творчества.

В последние два-три года я с удовольствием прочитала множество прекрасных работ и услышала множество интересных докладов, посвященных женскому творчеству до 1900 года. Примеры включают рассуждения о женском творчестве в связи с феминистским дискурсом, с феноменом жоржизма, с актуальными вопросами классового и общественного положения, с проблемами социально-политической мысли (освобождением крепостных и эмансипацией женщин, развитием социализма, государственным и империалистическим дискурсом и проч.). Другие работы посвящены тому, как женщины используют нарративный голос и определяют свою литературную позицию: применению и отказу от определенных повествовательных позиций, экспериментам с различными концепциями женского авторства или с конструированием писательских автобиографий женщин и т.д. Некоторые работы посвящены тому, как в женском письме обсуждается (а возможно, и воспроизводится) скрытое или открытое насилие против женщин, как оно фиксирует проявления вуайеризма или скопофилии, как в женских текстах связаны тематика и позиция имплицитного автора. Наконец, некоторые исследователи обращают внимание на отношения между женским творчеством и преимущественно мужским институтом литературы, тогда как другие обсуждают отношения между писательницами: дружеские и гомоэротические связи, семейные связи и контакты внутри сообществ, создающие устойчивые литературные традиции.

В каждой из этих ситуаций женщины действуют в рамках сети ограничений, которые изменяются в зависимости от исторического контекста и личных обстоятельств, но не совпадают с теми ограничениями, которые накладываются на мужчин. Как женщины изобретают или переизобретают себя и выбирают, каким образом вести себя, несмотря на наложенные на них ограничения? Какие гендерные перформативные акты осуществляют женщины в разных контекстах? Как и когда женщинам дают право говорить или заставляют молчать; когда и каким образом они сами добиваются права говорить? Вопросов очень много, как много и путей исследований, обещающих новые открытия. Работать в этом динамичном и быстро развивающемся поле — поистине захватывающее занятие.

Анна Нижник (кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Новейшего времени ИФИ РГГУ)

1. В последние годы число публикаций о гендерной проблематике в российской истории и русской литературе быстро растет. Как можно объяснить этот рост? Есть ли специфика у гендерных исследований на российском/русском материале и чем они отличаются от современных зарубежных публикаций на эти темы?

Парадокс популярности гендерных исследований заключается в том, что интерес к ним вызван внеакадемическими факторами: подъемом консервативной повестки во многих государствах мира, включая Россию, и параллельным ростом женских низовых и официальных инициатив, которые пытаются противостоять гендерному неравенству. Современный феминизм постепенно поворачивается от неolibеральных принципов индивидуальной женской самореализации к широкой демократической повестке (см., например, «Манифест 99%» Чинции Аруццы, Тити Бхаттачарья и Нэнси Фрэйзер¹, недавно переведенную книгу Сильвии Федеричи «Патриархат заработной платы. Заметки о Марксе, гендере и феминизме»²). Тем не менее академические исследования живут по своим законам, поскольку скованы методами научного познания и необходимостью отделять науку от политики, а поэтому иногда в работах сложно выделить тот standpoint (термин, используемый с подачи Сандры Хардинг), который отличает феминистскую эпистемологию от «нейтральной».

Само по себе слово «гендер» очень интересное. Это академическое наименование для символической репрезентации культурно обусловленной системы неравенства, основанного на половых различиях. Акцент на знаковой природе гендера очерчивает и пространство исследований: это изучение репрезентации тех, кто маркируется в западной культуре как «мужчины» и «женщины». Сама эта логика в некотором смысле противоречит изначальной политической заряженности гендерных исследований, наследующих феминистской традиции (на каком-то этапе изучение этой категории было скандальным и освободительным). Изначальное неравенство говорит, что и в рамках логоса эти категории представлены неравномерно, ведь наш мир можно понимать как описанный через доступ к языку. Соответственно, академические гендерные исследования как бы кусают себя за хвост: занимаясь преимущественно текстами, они отражают гендер как категорию, явленную в дискурсе, и при этом сами ее конструируют. Гендер же является знаковой категорией, которая позволяет производить различие и выстраивать аналогии и может привлекаться для анализа многих областей. Спектр этих областей широк: сексуальность, экономика, эстетика, политика, культура, — но не может быть ими исчерпан, поскольку само изучение принципа неравенства или асимметрии позволяет открывать все новые континенты: так, в рамках гендерных исследований появились квир-теория, пост-

1 Аруцца Ч., Фрэйзер Н., Бхаттачарья Т. Феминизм для 99%. Манифест / Пер. с англ. Н. Демьянова под ред. А. Кальк. М.: Радикальная теория и практика, 2020.

2 Федеричи С. Патриархат заработной платы. Заметки о Марксе, гендере и феминизме / Пер. с англ. И. Кушнareвой. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

колониальная гендерная теория, экокфеминистские онтологии и эпистемологии и т.п.

Хотя мы находимся в «ловушке логоса», особого внимания заслуживают работы, посвященные пусть и явленному нам в знаках, но материальному состоянию того, что условно называется «гендер»: телесным практикам, которые мы можем реконструировать, истории повседневности, пограничным состояниям, которые так или иначе связаны с аффектами, религиозным и культовым практикам, практикам письма и работы, поскольку они помогают гендер онтологизировать. Перефразируя тезис статьи Эйхенбаума «Литературный быт», «вопрос заключается не в том, что такое женщина, а в том, как быть женщиной».

Искусствоведение здесь выходит на первый план: занимаясь репрезентацией тела или телесной перформативностью, если речь идет о театре и кино, такие исследования показывают, как существует гендер вне словесного выражения. Интересна в этом смысле иллюстрированная книга Н. Плуноян³, в которой собраны образы женщин в советском изобразительном искусстве, сопровождаемая нюансированными комментариями, из которых можно узнать, как «делалась» советская женщина и как появление новых понятий и гендерных ролей соотносилось с движениями народных масс, ходом индустриализации, партийными конфликтами и культурной экономикой.

Другая работа, заслуживающая внимания, — «Гендер в советском неофициальном искусстве» О. Авраменко⁴. Поскольку перформативность, оптика практик и особое внимание к быту подсказаны самой логикой «второй культуры» 1970-х годов, постоянно сталкивавшейся с необходимостью таиться, хлопотать, выживать, из книги можно воссоздать советский гендер как сборку разнообразных практик, не только художественных.

Жаль, что гендерные исследования не могут открыто говорить об актуальных аспектах российской действительности, но они легко «прячутся» в историю — тем более что дисциплина *herstory* на русскоязычном материале еще далека от закрытия. Например, современный интерес к статусу «ведьмы», который присваивается феминистками в контексте эмансипаторной повестки, вполне может подсвечиваться русским историческим материалом. В книге Кристин Воробец «Одержимые. Женщины, ведьмы и демоны в царской России»⁵ можно найти материалы к истории конструирования инаковости, в том ассоциированной с женщинами и при этом тесно связанной с дисциплинарным воздействием церкви и государства.

Отдельного внимания заслуживает литературная критика, которая обращена к современности, ведь многие приборы гендерной оптики (анализ Адриенны Рич, «женское письмо» Э. Сиксу) развивались в тесной взаимосвязи с литературными практиками. Здесь стоит назвать публикации Д. Ларионова⁶,

3 Плуноян Н. Рождение советской женщины. Работница, крестьянка, летчица, «бывшая» и другие в искусстве 1917–1939 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

4 Авраменко О. Гендер в советском неофициальном искусстве. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

5 Воробец К. Одержимые. Женщины, ведьмы и демоны в царской России / Пер. с англ. А. Фоминой. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

6 Ларионов Д. «Гендерный ландшафт» актуальной русской поэзии в контексте поэтологии: «женское письмо» Анны Альчук, Марины Тёмкиной, Галины Рымбу и Оксаны Васякиной // *Litera*. 2019. № 6. С. 58–65.

И. Кукулина⁷, М. Бобылёвой, Ю. Подлубновой⁸ и то, чем занимался проект «ф-письмо», породивший заметное число молодых исследовательниц, альманахи издательства «Кабинетный ученый»⁹.

Эти исследования заходят на территорию современной философии и пытаются нащупать экспериментальные формы мышления и высказывания о гендере.

2. Какие дисциплинарные пересечения (например, гендерные исследования и исследования эмоциональности или социология чтения и т.д.) видятся Вам наиболее продуктивными и перспективными?

События последних двух лет показали, что вопрос о гегемонии, изысканно затушеванный академическими исследованиями, актуален как никогда, и гендерные исследования предлагают ключи к нему, поскольку сосредоточены на механизмах и источниках власти, порождающей неравенство и насилие. Это означает, что на дисциплинарном уровне также необходим пересмотр привычных нам технологий анализа. Здесь, в частности, важны и ревизия канона, и изучение «миноритарной» по статусу и, парадоксальным образом, мажоритарной по весу популярной (массовой) литературы и культуры, которая все еще вытесняется высокой литературой как недостаточно элитарная. Связь с гендерной проблематикой тут простая: вернакулярная культура государства и капитала, организующая иерархии, в том числе эстетические, родственна механизмам патриархальной маргинализации всего «слабого» и «недостаточно разумного» — того, что ассоциировалось и до сих пор отчасти ассоциируется с женским миром, — с тем, чтобы разделять и властвовать над социальными и гендерными группами. То же касается исследований культуры эмоций, которая, впрочем, все равно изучается главным образом с исторической дистанции, — видимо, чтобы ученые не столкнулись с собственной яростью или тоской. Среди работ о современности стоит назвать исследования эмоционального чтения, которые опираются на уже классическую схему Риты Фелски, а также исследования травмы, которые еще далеки от завершения, поскольку, как оказалось, простого «проговаривания» или констатации недостаточно, чтобы насилие перестало воспроизводиться. Здесь на первый план выходит тема усложненных отношений со временем — различий в темпоральном мышлении разных групп, тесно связанных с гендеризированным вопросом о производстве и воспроизводстве. Есть мнение, что именно специфическая темпоральность (ответственность за детей и привычка оставаться мыть посуду после вечеринки) порождает и тесную связку между гендерной проблематикой и энвайронментализмом. Здесь снова стоит отметить, что литературная практика идет впереди теории — так, феминистский заряд имеет сборник экологической

7 Кукулин И. Двадцать лет пения без аккомпанемента: взлет и кризис инновационного женского письма в постсоветской поэзии // Имидж, диалог, эксперимент — поля современной русской поэзии / Image, Dialog, Experiment — Felder der russischen Gegenwartsdichtung. Берлин; Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 2013. С. 119–154.

8 Бобылёва М., Подлубнова Ю. Поэтика феминизма. М.: АСТ, 2021.

9 Сетка Цеткин. Антология феминистской критики / Сост. Л. Георгиевский, А. Голубкова, Ю. Подлубнова. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021; Семь текстов о феминизме. Обозоруживая гендер / Сост. Е. Джаббарова. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2022.

прозы «Срок годности» от «Школы литературных практик», где предпринимаются разные по стилю попытки нащупать языки субалтернов и очертить границы ответственности за них.

3. Какие темы гендерных исследований кажутся Вам недостаточно раскрытыми в научной литературе на русском материале и требующими большего внимания исследователей?

Хотя до конца нельзя остановить рост интереса к гендерной проблематике, эти исследования все еще остаются довольно робкими — не в рамках конкретных работ, а в их широте. До сих пор остается непроявленным вопрос о колониальных советских феминистских проектах, нет больших работ про гендерную политику 1990-х годов, а ведь именно этот болезненный переход от государственного гендера к капиталистическому (которые, впрочем, отлично сосуществуют) во многом определил нашу нынешнюю ситуацию. Одно из исключений составляет социологическая работа Джули Хеммент «Расширение прав и возможностей женщин в России. Активизм, спонсоры и НПО»¹⁰ о женских некоммерческих организациях в современной России. Оптика включенного наблюдения позволяет исследовательнице рассказать о столкновениях картин «западного», «советского» и «российского» гендерного порядка.

Другая проблема отмечалась выше: гендерные исследования до сих пор не ответили на вопрос, «судьба» ли — быть женщиной? Долгая дискуссия между гендерной онтологией и конструктивистской оптикой до сих пор не разрешилась, ведь она требует принять во внимание слишком много факторов, которые могут превратить гендерные исследования в «общую теорию всего», а это невозможно для современной академической дисциплины. Феминизм, как и любой проект «избавления от метафизики» («судьбы») движется от материального к знаковому и обратно: конкретные экономические изменения подкрепляются дискурсивными практиками, но через некоторое время материальное снова настойчиво напоминает о себе. Так, например, искусствоведческие и исторические гендерные исследования не так много говорят о материнстве, поскольку это была практика, шедшая вразрез с карьерой успешных художниц или писательниц, о которых у нас есть данные. Это и есть большая проблема: «великое непрочтенное» остается непрочтенным, и увидеть его можно только в разрывах между «исключительным» и «нормативным».

Надежда Плунгян (преподаватель НИУ ВШЭ, кандидат искусствоведения, независимый куратор)

1. В последние годы число публикаций о гендерной проблематике в российской истории и русской литературе быстро растет. Как можно объяснить этот рост? Есть ли специфика у гендерных исследований на российском/русском материале и чем они отличаются от современных зарубежных публикаций на эти темы?

10 Хеммент Д. Расширение прав и возможностей женщин в России. Активизм, спонсоры и НПО / Пер. с англ. Н. Вахтиной. СПб.: Библиороссика, 2023.

В России за десять-пятнадцать лет произошли довольно большие и интересные изменения, хотя я помню совсем недавние споры, можно ли употреблять слово «гендер» в искусствоведческих текстах. Сейчас гендерный анализ во многом стал частью мейнстрима. Появилась серия «Гендерные исследования» издательства «Новое литературное обозрение», издается огромный спектр популярных книг по гендеру в самых разных областях: от научной журналистики до детских книг об устройстве общества или пособий по отцовству, не говоря уже про переиздания феминистских эссе Линды Нохлин или Бетти Фридан. Можно назвать издательства «МИФ», «БиблиоРоссика», «РИПОЛ классик», «V-A-C Press», «Garage», «АСТ», «Самокат», но на самом деле почти каждое крупное издательство теперь так или иначе касается темы гендера.

В мою сферу — историю искусства и визуальной культуры — пришла мода на книги о женщинах-художницах и женщинах-коллекционерах Нового времени. В основном они пока переводные и довольно однотипные, и в основном это ХХ век. Но я вижу результат, например, в том, что каждый второй студент хочет писать что-то о гендере в искусстве. Понятно, что это явление моды, но есть и более глубокая причина: гендерный анализ — короткий путь к умолчаниям эпохи, которые все дальше отступают в глубину времени, а новым поколениям хочется в них разобраться. Наш исторический разрыв с советским искусством растет, и это неизбежно означает, что переводные исследования на темы постсоветского и советского гендера будут уступать место оригинальным российским текстам. Отличаются и будут отличаться они тем, что в них кроется размышление о собственной идентичности. В Европе и в США есть очень четкое понятие о том, чем был модернизм и как он структурирован. России предстоит построить новую детальную картину своего модернизма и по-новому соотнести ее с современностью.

2. Какие дисциплинарные пересечения (например, гендерные исследования и исследования эмоциональности или социология чтения и т.д.) видятся Вам наиболее продуктивными и перспективными?

Мне нравится в целом работа с исторической эмоцией в искусстве, а может быть, что-то, что я назвала бы политической или социальной эмоцией. Трудно это пока определить. Я считаю, что искусство крупнее политических процессов, но художник, как свидетель времени, отражает всю тень и весь свет общества, в котором живет. Интересно, когда проблема содержит три темы и больше. Например, советский плакат 1940—1950-х годов как часть угасающей монументальной программы двадцатых, как часть все еще камерной городской повседневности и как манифест особого, всесторонне регламентированного типа телесности человека сороковых. Внутри всей этой конструкции, вроде бы очень жесткой, идет тем не менее интенсивное и таинственное развитие эмоции, которую потом пытались передать некоторые позднесоветские художники и поэты, но все время вуалировали иронией. Мне хочется снять эту иронию и всматриваться в саму вещь, мне интересен гендер в искусстве как вход в пространство между заранее известными значениями.

3. Какие темы гендерных исследований кажутся Вам недостаточно раскрытыми в научной литературе на русском материале и требующими большего внимания исследователей?

Есть две темы, которые представляются мне довольно интересными. Первая— это разные ракурсы гендерного диссидентства в советском обществе, которые пока исследуются в основном в поле маскулинности. Мне интересна изменчивая и флюидная феминность в советских декорациях, которая прочитывалась политически, как признак опасного, чужеродного, иностранного или потустороннего, но в то же время действующего субъекта. Я немного об этом писала в нескольких работах.

Второе, о чем мне хотелось бы больше знать или написать, — это реальный гендерный порядок в России 2000—2010-х годов и его отражения в визуальной культуре. Да, есть большая мода на девяностые и устойчивый миф о девяностых, но самым тяжелым, переломным, заряженным временем я считаю именно нулевые. Сейчас нулевые годы описаются как переходный период, как время становления современной политики в том виде, в котором ее знает большинство молодых людей. Однако совсем ничего не понятно о гендерных стратегиях, которые считались нормативными, и о тех вызовах, с которыми столкнулись мои ровесники на фоне демонтажа советской социальной защиты. Это чувствительная область, так как речь об описании недавнего прошлого, и его исследование встречает большое сопротивление. Вопрос о том, что происходило с гендером в нулевые, по-настоящему объединяет и волнует 30—40-летних людей всех идентичностей из постсоветского пространства, и мы недостаточно обсудили это между собой. Поскольку гендерный анализ дает понимание «скелета» многих общественных процессов, такая дискуссия будет иметь очень значимые итоги.